

Н.С. ЛЕСКОВ

Николай Семёнович Лесков

Епархиальный суд

Содержание

Глава первая.....	0005
Глава вторая.....	0010
Глава третья.....	0015
Глава четвертая.....	0022
Глава пятая.....	0025
Глава шестая.....	0029
Глава седьмая.....	0033
Глава восьмая.....	0037
Глава девятая.....	0042

Николай Лесков

Епархиальный суд

*От меня произойдет закон, и правду
мою я выставлю светом для народов.
Исаия, LI, 4*

Глава первая

В обширной и многосторонней полемике, возбужденной в печати выходом в отставку бывшего министра народного просвещения и обер-прокурора святейшего синода, графа Толстого, далеко не последнее место занимает спор о заслугах этого сановника по духовному ведомству. Одна из петербургских газет— именно, «Новое время», — делая общую оценку заслугам графа, пришла к тем заключениям, что по духовному ведомству его распоряжения были во многих отношениях лучше и целесообразнее его распоряжений по министерству народного просвещения. Это подало повод к замечательному спору, который, по моему мнению, до сих пор не выяснен и не окончен. Между тем это очень интересно не для того только, чтобы сойтись на одном мнении о графе Толстом, а тут есть дело гораздо более важное.

Я не имею никакой нужды входить в оценку справедливости высказанного мнения, но должен заметить, что оно довольно распространено и было поддержано в Петербурге

«Церковно-общественным вестником», газетою очень здравомыслящею и в церковных вопросах сведущею. Зато в Москве это мнение показалось очень обидным и несправедливым, и одна из тамошних газет, «Современные известия», выступила с резкими замечаниями против такой оценки заслуг графа Д. А. Толстого по святейшему синоду. Московская газета вспомняла об оскудении плодов веры и, как на особенную вредность для церкви, — указала на неудачную попытку графа Толстого ввести, вместо нынешнего бесконтрольного консисторско-архиерейского суда, — суд в другой форме — более правильной и более защищающей личность от произвола.

На этом разыгралось дело, доведенное только до того, что поспорившие стороны высказались и замолчали; московская газета осталась при своем мнении, а петербургские — при своем; дело же не подвинулось ни на волос, да даже едва ли и уяснилось для публики, которой, однако, необходимо иметь о нем верное понятие. Правда, «Церковно-общественный вестник», возражая «Современным известиям», дал хороший ответ на на-

падки московской газеты и указал, что нынешний закрытый консисторско-архиерейский суд не только во всех отношениях неудовлетворителен, но и не согласен с древнею церковною практикою; но все эти доказательства, – убедительные и веские для людей сведущих, – большинству публики почти совсем недоступны. Кто у нас знает каноны? кто знаком с старою церковною практикою? Таких людей очень немного в духовенстве и почти совсем нет в публике. А между тем то, что мы, по обыкновению, называем публикою, есть, в известном смысле, та же *церковь*, то есть собрание людей, связанных единством духовных интересов, и ради этих-то интересов *всем нам* пристойно знать об этом деле и иметь свое мнение о значении нынешнего нашего духовного суда, так как от него зависит клир, а от хорошего или дурного клира зависит развитие духовной жизни народа, до сих пор еще весьма мало и весьма неудовлетворительно наставленного в христианском учении. Поэтому, мне кажется, не напрасно будет предложить общественному вниманию вопрос о духовном суде еще в одной простей-

шей и понятнейшей форме, в которой всякому и незнакомому с канонами человеку станут понятны выдающиеся недостатки нынешнего консисторско-епископского суда. Тогда и враги реформ в этом вопросе и враги всего вообще нового судопроизводства в состоянии будут сравнить то, за что они стоят, с тем, что они гонят, – и, может быть, совесть и здравый смысл и им вложат что-нибудь другое в сердце. К счастью и благодаря небольшой дозе внимания, какое мне всегда внушало мое равнодушие к церковным делам, я имею возможность предложить об этом небольшую, но документальную беседу; а непрерываемым документом, на который я буду ссылаться, мне будут служить ведомости одной епархии, издающиеся не совсем так, как издаются ведомости прочих епархий. Я говорю о «Новгородских епархиальных ведомостях», в которых принято не делать секрета из судебных решений, постановляемых епархиальною властью о преступлениях и проступках местного духовенства.

Находя эти краткие отметки самым живым и интересным материалом для сужде-

ний о достоинствах нынешнего духовного суда, отстаиваемого людьми, для которых благосостояние церкви и всего духовенства стоят ниже каких-нибудь привилегий епископской власти (хотя бы даже привилегий, не принадлежащих ей по точному смыслу канонов), я имел терпение четыре года кряду следить за этим соломоновым судом в Великом Новгороде и дождался, что теперь мои заметки могут пригодиться в дело. Я желаю в коротких и ясных словах представить вниманию публики, что́ за дела судит наш нынешний консисторски-епископский суд и как он их решает.

Глава вторая

Пропуская бесконечные штрафовки духовных за пьянство, берем только те случаи, которые нам кажутся более замечательными и характерными, как по роду вины, так и по форме наказаний.

Рясофорная послушница Горицкого женского монастыря Августа, за неодобрительное поведение, уволена из обители и обращена в первобытное звание. Диакон Дворецкой церкви Крутяков запрещен за нетрезвость. Боровичского уезда священник Василий Знаменский запрещен за нетрезвость, неисправность и неблагочиние.

Таким образом, простая нетрезвость и нетрезвость, соединенная с неисправностью и неблагочинием, при всей совокупности преступлений, наказываются *одинаково*. Почему это так – объяснений, конечно, нет. *Благочинный*, старорусский протоиерей Федор Барсов, по делу о недоставлении им 21 процента сбора в размере 809 рублей, удален от благочиннической должности. Здесь уже надо заметить, что преступлением является *рас-*

траты, за что удаление от должности не есть надлежащее наказание по русским законам.

Пономарь черновского собора Вознесенский отрешен за крайнюю нетрезвость. Благочинный Устюженского уезда, священник Алексей Владимирский, за нетрезвость и оскорбление помещика, отрешен от должности благочинного и послан в Моденский монастырь, а потом опять на прежнее место. Счел ли обиженный помещик это достаточным возмездием за свою обиду – не видно. Но во всяком случае ясно, что монастырь здесь заменяет тюрьму, – что совсем с учреждением монастырей несогласно, да никак и не отвечает их назначению.

Однако впереди мы с этим фактом будем встречаться очень часто.

Священник В. Быстров, за служение молебнов иногда в нетрезвом виде, за отказы в требоисправлениях и нетрезвость, – в Клопский монастырь, а потом опять на место. Дьячок Константин Богословский, за самовольное израсходование братских доходов, нетрезвость, упущения по службе и разгульную жизнь в сообществе крестьян и женщин неодобри-

тельного поведения, назначен к отрешению. Священник Александровский, за нетрезвость, – в Кириллов монастырь, а потом обратно на место. Дьячок Н. Косинский за то, что, несмотря на присужденное наказание и сделанную милость (отсрочку наказания), вновь предался нетрезвости и *учинил в церкви во время богослужения бесчиние*, – в монастырь, а потом – на прежнее место. Если бы «учинил в церкви бесчиние» мирянин, то он едва ли не был бы лишен прав состояния и сослан; но духовному лицу наказание меньше. Церковник, который должен подавать мирянину пример благочестия, за буянство в церкви наказывается только одним пребыванием в монастыре... Этого уж никак понять нельзя и обыкновенным рассуждениям невозможно признать ни за справедливое, ни за целесообразное. Но есть впереди нечто еще более невероятное: этот же церковный дебошир после пребывания в монастыре *возвращается «на прежнее место»*... Хотелось бы спросить у настойчивых друзей этого непостижимого суда: может ли все это не служить к соблазну бедных прихожан, безобразному пьянству ко-

торых часто дивуются, забывая, что их первые в том учителя – духовенство.

Дьячок Усердов, за нетрезвость, многократные оскорбления священника, сопровождавшиеся *грубою бранью*, – в монастырь и на прежнее место – конечно, опять при том же самом священнике. Иначе, конечно, нельзя думать, так как сместить священника было бы еще вышею несообразностию. Но не угодно ли кому-нибудь представить себе, каково было потом положение этого оскорбленного священника, которого опять свели вместе с его обидчиком – дьячком... Кому, для чего и в каких целях это могло казаться необходимым и наилучшим?

Но продолжаем наши сухие выписки: иеродиакон Кирилловского монастыря Савватий, за нетрезвость и *бесчинство, произведенное в церкви во время богослужения*, – запрещен до раскаяния и послан в другой монастырь. Дьячок Литовский, за нетрезвость, в каковой иногда присутствовал при богослужении, – в монастырь и на прежнее место. Псаломщик Бальзаминов, за крайнюю нетрезвость и *неприличное ведение себя в хра-*

ме, «сопровождавшееся прекращением богослужения», – в монастырь и на другое место (1876 год).

Глава третья

Благословивши венец нового 1877 года благодости господней, духовенство продолжает новое делание, а епархиальный суд старое суждение на непонятный лад.

Вот случай из новгородских епархиальных хроник 1879 года.

Пономарь Волков, за бродяжничество, грубости и неисправность, отрешен, с правом искать другого места. Бродяга «с правом» искать места церковника – это уже что-то феноменальное и едва ли сообразное с каким бы то ни было понятием о правах, достоинствах, законе и чести.

Диакон Виктор Орлов, за нарушение долга подчиненности, порядка и благочиния «принародно» в храме, во время литургии, и за насильственное держание у себя церковных документов, – в причетники, впредь до раскаяния. Пономарь Светлов, за распространение ложных слухов, обман и по подозрению в похищении документов, – в монастырь с переходом на другое место.

Наказание «по подозрению» в новейшее

время – вещь невероятная. Средневековая инквизиция и наша жестокая юрисдикция XVIII века – и те добивались доказательств или сознания, хотя бы *вымученного*. Оставляемых же в подозрении по XV т. св. зак. *не наказывали*. А потому здесь прибавка «и по подозрению» не кажется ли просто оскорблением самой идеи правосудия?

Священник Быстров (о котором выше, в хрониках 1876 года, сказано, что он служил молебны в нетрезвом виде и отказывал в исполнении треб, за что и был в монастыре) после исправления его в монастыре вновь священнодействует и вновь судится «за пролитие св. даров, сопровождавшееся притом явным невниманием к величайшей святыне». Какое же наказание положено этому рецидивисту храмовых бесчинств? Он «удален от места в Блазнихе с предоставлением права искать себе другого священнического места...» Суди об этом кто как умеет!

Исправляющий должность псаломщика Земляницын, за нетрезвость, неисправность, неприличное поведение себя в храме, «как и прежде сего неоднократно судимый за предо-

судительные поступки», отрешен от места с предоставлением права приискивать себе другое (!). Св. Любаньской церкви священник отец Травлинский, за повенчание князя Дондукова-Корсакова с Ильиною без соблюдения предбрачных предосторожностей, за допущение неправильностей при других браках и «оскорбление благочинного при исполнении им обязанности своей в *нетрезвом виде*» (не совсем ясно: идет ли речь о нетрезвости отца Травлинского или отца благочинного, которого оскорблял этот венчальный батюшка), на полтора месяца в монастырь. Просвирня Екатерина Пальмова, за небрежное печение просфор, неумеренное расходование церковной муки на них, непокорность и непочтительность к священнику, уволена, и вакансия ее закрыта, с возложением обязанности заготовления просфор на местного священника. Священник Любомудров, за служение молебна в нетрезвом состоянии, – на две недели в монастырь. Священник гор. Новгорода Александр Троицкий, за жестокое обращение с женою, сопровождавшееся то непристойною бранью, то нанесением побоев, и за *разбитие*

икон, – на два года в причетники.

За что и с какою целью отец Троицкий разбивал св. иконы – в краткой хронике «Новгородских епархиальных ведомостей» не объяснено, но очевидно, что отец Троицкий не принадлежал ни к штунде, ни к иконоборству и ни к какой иной предосудительной ереси, а содержал чистое православие. Может быть, он просто имел какое-нибудь личное недовольство на св. иконы, которое и вымещал на них «разбитием». Это в православном мире неоднократно случалось. Еретики, вроде штундистов, отвергающие поклонение иконам, обыкновенно выносят их из домов в церкви или «пускают на воду», по текучим рекам, но повреждать их избегают. Православных же мирян, которым приходит такая фантазия, за это лишают прав состояния и ссылают; но священник, который подает такой пример, как видим, оставляется при храме церковником и потом может опять священнодействовать. (Во II томе сборника г. Любавского есть интересное в этом роде дело о рядовом Карпе Орлове, который тоже, возымев личность к иконам и взойдя в церковь се-

ла Перелет, начал стрелять по иконостасу из казенного ружья. Он пришел для этого с большим запасом патронов в сумке. Происшествие это, как видно из книги г. Любавского, считалось делом особой важности. Кишиневский епископ писал об этом светским властям, и началось «секретное» дело, которое окончилось тем, что рядовой Орлов оказался сумасшедшим и посажен в дом умалишенных.)

Дьячок Вл. Сперанский, за отметку в исповедных росписях такого лица, которое не исповедывалось и не причащалось, за упрек священника в присвоении двадцати пяти рублей и «за чтение однажды апостола довольно безобразно», – на один месяц в монастырь. В чем заключается безобразие – не объяснено,[1] но отметка по росписям того, чего не было, есть *подлог по службе*, а за подлог ни на каком суде нельзя отделаться месяцем пребывания в монастыре. Случай этот имеет такой вид, как будто одному духовенству принадлежит какое-то исключительное право делать подлоги почти безответственно.

Дьячок Ловцов, за «название пономаря

неприличными словами *принародно*, в бытность за вечерней в не совсем трезвом виде и вообще за употребление спиртных напитков», – на один месяц в монастырь.

Замечательно, что за подлог и за простую пьяную перебранку в этих двух рядом стоящих случаях назначено одинаковое наказание!..

Дьячок Вихров, «за оскорбление священника *грубобранными* словами в нетрезвом виде», – в монастырь на один месяц. Пономарь Цветков, за крайнюю нетрезвость, утайку братских и церковных денег, «проматывание собственных вещей» (такого преступления, как «проматывание *собственных* вещей», нет в уголовном кодексе; вероятно, это отнесено к *расточительству*) и как не подающий надежды на исправление, отрешен навсегда. Дьячок Ставровский, неоднократно подвергавшийся суду и вновь уличенный в тех же поступках, как рекомендуемый, поведения *только хорошего* (надо иметь отметку «*препохвального*» или «*постоянно тщательного*»), – отставке в заштат. Но при этом достойно внимания, что и товарищ дьячка

Ставровского, аттестовавшегося в поведении довольно хорошо, дьячок Фортунатов, был тоже отменный молодец и одновременно послан на полтора месяца в монастырь «за личные оскорбления священника»... Можно себе представить положение священника, который один в селе должен был служить с этими двумя хватами «довольно одобрительного поведения»!.. И чтобы это лучше понять, мы увидим скоро, на что был способен один из этих церковников, – именно: дьячок Фортунатов.

Глава четвертая

Продолжаем, однако, выписки: священник Новодецкий, за нетрезвость, буйство и драку, – в монастырь и снова на свое место. Бедный приход! Меж тем залихватский дьячок Фортунатов, о котором мы только что говорили, успел уже исправиться, и притом так наглядно, что немедленно поспешил совершить «нанесение тяжких побоев разным лицам». За такой прогресс он уже смещен с этого места, но «с дозволением приискать другое». Удовлетворены или нет этим те, кого удалой дьячок «тяжко побил», – это как им угодно. Наш духовный суд, – как суд самосовершенный, суд без апелляции, об этом, кажется, не заботится. Дьячка Фортунатова, который так успешно побивал «разных лиц», даже и в монастырь не посылали, да в этом и беды нет, потому что сряду стоит такой случай: «иеродиакону Николо-Беседного монастыря (куда назначаются пьянствующие лица белого духовенства) Палладию, за нетрезвость, самовольные отлучки из монастыря и оскорбление настоятеля, запрещено священ-

нослужение, ношение монашеской одежды, и он послан в другой монастырь (тоже такой, где бес пьянства не давал братии покоя). Таким образом, белые, приходя в Николо-Беседный монастырь, значит, может быть, были встречаемы известным в монашестве приветом: „Наш еси брате Исаакий, – воспляшь же с нами!“ И кто кому был здесь соблазном, а кто назидателем, про то только ты, господи, веши...»

Но вот опять сряду же с этой пьянственной мелкотой выступает человек крупных способностей – человек, не уступающий, может быть, разбивателю икон отцу Троицкому, – это дьячок Геннадий Егров; он послан в монастырь, с правом перехода на другое место, за пьянство, за которое уже и прежде судился, а также за *произнесение угрозы произвести поджог, за разбитие стекол и рам в доме крестьянки Силиной, за непристойную брань и обиду действием...* Будь этот г. Егров мирянин, подлежащий суду по общим уголовным законам, он подлежал бы очень серьезному наказанию, но как лицо клировое – в некотором роде священное – этот буйный дьячок с

самыми явными разбойничьими наклонностями, при совокупности всех наделанных им гадостей, посылается в монастырь, где он, по указанию начальства, потрудится, и нанесенные им обиды, побои и убытки тем как будто вознаграждаются.

Таков этот духовный суд, за который откликнулось несколько противников графа Дм. А. Толстого. А об угрозах поджогами и говорить не стоит: тот, кого дьячок имел желание поджечь, пусть хорошенько стережется.

Заштатный и запрещенный священник Молчанов, *для прекращения учиняемых им безобразий* (?!)— на шесть месяцев в монастырь.

Этим кончается хроника 1877 года, и наступает еще более близкий год, 1878.

Глава пятая

Летопись 1878 года начинается с лица женского пола. Монахине Хионии, за подачу безымянного доноса, заключающего в себе оскорбительные выражения для чести вновь избранной игуменьи, запрещено (временно) ношение мантии и клобука. Иеромонах св. Духова монастыря (куда, может быть, также посылают пьяниц из белого духовенства) Варлаам, за нетрезвость, сопровождающуюся *соблазном для монастырской братии и для жителей города*, запрещен на один месяц и перемещен в Перекомский монастырь (куда опять-таки иногда посылают пьяных людей из белого духовенства). Причетник Тихомиров, по поводу *тяжкого оскорбления* священника в храме, и притом *в церковном облачении*, – устранен от исполнения обязанностей, «ввиду неудовольствий со священником, которые зашли слишком далеко, и в предотвращение на будущее время *скандалов в церкви*». Каждый знает, какое тяжкое наказание ожидало бы того мирянина, который поднял бы руку в церкви на священника в облачении,

но дьячку и такая расправа по епархиальному суду сто́ит не тяжелее «устранения, в предотвращение скандалов».

Этим можно не возмущаться только с нашею русскою привычкою ничем не возмущаться, но стоять за таковые решения, кажется, решительно невозможно. Исправлявший должность псаломщика Лебедев, за похищение денег, собранных в пользу герцеговинцев, – в монастырь на 1 1/2 месяца. Такому же самому наказанию подвергнут дьякон Локотский – «за склонность к винопитию», а пономарь Виноградов – «за недоставление на проскомидию просфор, за употребление хмельных напитков, за дозволение себе бушевать в своем доме и за произнесение скверноматерных слов».

Все эти очень разнохарактерные провинности как будто одинаково весят на весах духовного правосудия: воровство, мошенничество и винопийство! Иеродиакон Нилосорской пустыни (где тоже, кажется, немало сосланных запойцев белого духовенства), как неблагонадежный для монастырской жизни по своему поведению, – исключается. Священ-

ник Морев, за ссору в церкви, *недопущение одного крестьянина приложиться ко кресту* и за употребление грубых, ругательных слов – на один месяц в монастырь. (Недопущение ко кресту – это одно из самых эффектных видов отместки за какую-нибудь недодачу или иную досаду. Батюшка обыкновенно при всем честном народе отнимает крест от подходящего крестьянина и возглашает: «Ты недостойн!») Прежде, говорят, это приводило людей в отчаяние, но ныне ко всему такому уже замечается повсеместное равнодушие.) Священник Тюльпанов, за служение молебнов и хождение с иконами в нетрезвом виде, а также (тут только и начинается) за допущение в служении *неприличий* (!?) и за то, что «потерял мирницу» и «совершил крещение двух младенцев в нетрезвом виде, и притом без миропомазания и с опущением некоторых обрядов», – в монастырь на три месяца. Весьма интересный представляется отсюда вопрос: поправлено ли, и каким именно образом, священное тайнодействие, совершенное этим пьяным тайностроителем? – Это не объяснено. А между тем возможно, что несчастный

христианин, у купели которого иерей Тюльпанов произвел описанные упущения и бесчинства, придя в возраст, услышит на это насмешки и попреки и позовет к суду *кого-то*, не озаботившегося своевременно исправить его крещеную репутацию. Это уже было в церковной практике и еще *может повториться* (напоминаю историю о некрещеном *попе*).

Исправляющий должность дьячка Лавров, за нанесение побоев одному лицу, стрельяние из ружья, прибытие в храм *в одной рубашке* и проч. и проч., – уволен от должности, и только!.. Знаменитому протопопу Аввакуму подобный фарс обошелся гораздо дороже.

Исправляющий должность псаломщика Добряков, «за неблагоповедение», отрешен от места. Таким образом, простое «неблагоповедение» и «стрельяние» пошли по одной категории?[2] Священник, за повенчание вторым браком прежде расторжения первого, – в монастырь на три месяца, а с иеромонаха Иосафа, за пьянство, снята на время монашеская одежда.

Глава шестая

Столлько интересных для судебных соображений случаев, сколько мы выписали, да-ет всего за четыре года только *одна* епархия, и притом не самая многочисленная. Все более мелкие случаи, подряд состоящие в одном пьянстве и «неблагоповедении», – я не выпи-сываю и не считаю; нет в моем счете и про-ступков, вроде кражи коров, и мошенни-честв, учиненных духовными лицами, но подпавшими за эти дела светскому суду, при-чем суд духовного ведомства обыкновенно только спешит сбыть с рук виноватого по-средством исключения его из духовного зва-ния. Об этих двух категориях скажем лишь вообще, что случаев соблазнительного пьян-ства чрезвычайно много, а подсудимость у светских судов – довольно редка. Кажется, она имеет место только как явление исключи-тельное, при таких случаях, когда, например, духовное лицо прямо изловлено мирскою властью на воровстве коровы. Если же что-нибудь подобное попадет на суд духовный, то, несмотря на уголовный характер, едва ли

не кончится монастырем. Из приведенных примеров явствует, что множество случаев с подлогами в документах, святотатством, буйством, нарушением благочиния и порядка в храмах, а также с нанесением побоев равным и старшим и убытков кому попало – в противность русским законам, обязательным для всех русских подданных, для дебоширов, пьяниц и мошенников духовного звания обходятся более или менее продолжительными молитвами и благоугодными трудами в мирных обителях. Давнишние просьбы и воздыхания многих настоятелей о том, чтобы перестали считать их монастыри исправительными заведениями осторожного характера, ни к чему не повели и не ведут.

«Не слышат, – видят и не знают!»

А если все это так идет по одной новгородской епархии – по епархии самой близкой к столице и имеющей с нею неразрывную связь в лице главного епархиального начальника, то, кажется, вполне позволительно предположить, что и во всех других епархиях на все подобные дела едва ли существует лучший взгляд и более совершенные порядки. Ес-

ли же допустить то, что и следует допустить, то есть что новгородская епархия, подведомая с. — петербургскому митрополиту, не хуже всех прочих епархий в России и что обнаруженный здесь порядок имеет свое место повсюду, то мы получим возможность судить о рассмотренных нами случаях *как об образце явлений, общих всей современной России*. И тогда станет ясно, что порядок этот нельзя признать удовлетворительным, а затем, что нельзя не сожалеть и о том, что в недавней поре вопрос о церковно-судебной реформе у нас был так бесцеремонно смят и торопливо стерт с очереди, как нечто несвоевременное и для нас совершенно излишнее.

Тут и выдвигается на вид сошедшая с первого плана личность синодального обер-прокурора гр. Д. А. Толстого, и становится необходимым сделать некоторую характеристику общих отношений к делу духовного суда, недостатки коего бывший обер-прокурор гр. Толстой, конечно, понимал и настойчиво желал учредить иной суд, где было бы менее места произволу и более законности.

Это имеет свою занимательную историю,

которую, при самых небольших дарованиях, со временем можно будет рассказать, как одну из забавных затей в духе «человеческих трагикомедий» Шерра.

С самого первого движения графа Толстого к пересмотру духовного вопроса он не встретил ни сочувствия, ни поддержки; все им были недовольны: одни за то, что граф «подбирается под епископов», – другие за то, что *он* взялся за это дело. В том, что за дело это взялся «*он*», а не кто иной, видели верное ручательство, что оно «провалится».

Так, разумеется, и вышло, и этому безрас-судно радовались – только уже не все: были люди, которые понимали дело серьезнее и начинали сожалеть, что личные чувства к графу Толстому получили слишком большое значение.

Глава седьмая

Лучшие люди в нашем духовенстве, не стоя на стороне графа Д. А. Толстого, – который сделал, кажется, все, от него зависевшее, чтобы его не укоряли в искании людского расположения, – в этом деле глубоко сожалели о том, как далеко зашла враждебность, какую возбудил против себя этот сановник, говоря о котором можно припоминать пословицу: «гнул не парил, сломал не тужил». В духовенстве пророчили и не ошибались, что вопрос о судебной реформе погибнет именно потому, что его проводит нелюбимый гр. Дмитрий Андреевич Толстой. Но все знали, что правда была на его стороне, что нынешний духовный суд не удовлетворяет и не может удовлетворять требований справедливости. В знаменитых в свое время возражениях волынского архиепископа Агафангела, в которых светские клерикалы усматривали манну небесную, – духовные видели более непосредственности, чем полноты, разносторонности и беспристрастия. Правда, ответы архиепископа Агафангела одобряли и в духовенстве, но не из

сочувствия мыслям пр. Агафангела, а из радости, что нашелся хоть один человек, который противоречит графу Толстому, смиряя тем всем надокучившее его «колкое самовластие». И, таким образом, в этом неосмотрительном злорадстве люди, вовсе не сочувствовавшие неподвижности духовного суда, дали своим зложеланием перевес идеям этой неподвижности: реформа настоящей надобности была отвергнута, и это было большою радостью для людей, у которых любовь к родине и ее вере и церкви не могла возобладать над их личными чувствами к гр. Толстому.

Нет спора, что в постановке дела, как за него взялся граф Д. А. Толстой, кажется, было не без ошибок, и даже весьма больших; но все они могли быть поправлены, а вместо того все дело было отвергнуто.

Это было, конечно, хуже, чем все ошибки графа в его предположениях о реформе. Наконец об этом вспомнили при отставке графа Толстого; но вспомнят и еще не один раз. Самое недалекое время покажет, сколько в отстранении этого вопроса кроется вредного и даже зловещего для церкви. Такое бессудье

или произвол, какие мы видим в нынешнем духовном суде, вредны прежде всего для самих клировых людей. Зависят не от точных законов, а от «благоусмотрения», как мы сейчас читали, часто необъяснимого с точки зрения общественной морали, духовные люди до сих пор ищут оправдания «пролазами» и «пекунией», а это, конечно, не может не влиять дурно на их нравы. Между тем церковь в лице самых разнообразных ее представителей давно указывает на неудовлетворительность клира и, утратив надежду быть услышанною, прямо обнаруживает повсеместно замечаемую склонность к отпадениям во всякие ереси мужичьего или барственного измышления. Это явление – самое злое, и оно не пройдет даром. Этому не поможет не только союз священников при петербургской Сергиевской церкви, но не поможет этому даже столь страстно ожидаемая свобода совести, которая, при нынешнем положении русского духовенства, даст только возможность людям откровеннее распрощаться с своими духовными отцами...

Теперь говорить обо всем этом, кажется,

можно только в интересах исторических, как о любопытном и прискорбном явлении, характеризующем то десятилетие, когда у нас, после охоты к реформам, возобладала безумная страсть перечить всяким улучшениям; но поднять этот вопрос и довести его до того положения, в которое он был уже поставлен графом Д. А. Толстым, в ближайшем будущем едва ли не безнадежно. Однако не следует забывать, что вопрос этот жив, – что он не только существует, но постоянно напоминает о себе явлениями самого неблагоприятного свойства.

Его не взбивает или не «взмыливает» литература, – как это хочется доказать иным друзьям противоапостольского византизма, – но вопрос этот поминутно сам является всем на глаза. Не видать его не только трудно, но невозможно, и те, которые негодуют за всякое слово об этом, – напрасно думают служить этим церкви.

Глава восьмая

Так называемый консерватизм, чаще всего у нас сходящийся с полною косностью, недавно дошел было до того, что наши пусто-святы были склонны видеть зло в самом возрастающем внимании мирян к делам церкви. Людям этого образа мыслей и гораздо более нравится то время, когда в светском обществе ни о чем церковном не рассуждали и истории церковной не знали, – архиереев угощали ананасным вареньем, архимандритов – вишневым, а попов – поили чаем в конторе или даже в передней. Но все эти сетования напрасны; пробудившееся внимание к церковным делам уже не может быть остановлено, да и не добром помянет христианский мир усилия тех, которые считают полезным остановить это внимание. Оно достойно поддержки, а не противодействия, потому что оно истекает из самого чистого источника – из любви к родине и ее вере. Вера же наша, несомненно, страдает и подвергается самым ужасным, почти неслыханным в христианстве порицаниям не по влиянию «заносных учений»,

на которые мы охочи всё сваливать, а по причинам, зависящим от устройства нашей церкви. При чем немалого удивления достойно, что порицания эти приходится не только выслушивать от жителей стран образованных, которые имеют показать нечто благоуспешно развиваемое и совершенствуемое в их церковной жизни, но и от простодушных невежд, усматривающих, конечно по нашей вине, некоторый, весьма для них осязательный, вред в христианстве *как в культе*. Примеров тому бездна, и я не стану приводить их в том изобилии, в каком они очень легко могут быть собраны из самых достоверных хроник, но укажу на последний, недавно обнаруженный случай – по моему мнению, чрезвычайно тяжелый и мучительный для сознания христианина. Императорское Русское географическое общество недавно издало исследование одного своего члена-сотрудника, г. Кузнецова, о черемисах, где мы находим следующие удивительные вещи. Мы читаем в этой книжечке, что наши давно окрещенные черемисы и в 1878 году были такие же язычники, какими были до крещения... Им было как-то

проповедано Евангелие; у них настроены церкви, в которых есть штаты духовенства; это духовенство совершает крещение младенцев и ведет, конечно, исповедные росписи, в которые надо вписаться, чтобы не подпасть ответственности, а христианства все нет как нет... И это еще не самая большая беда, что крещенные черемисы до сих пор не сделались христианами: это у нас случалось и с татарами и с мордвой, у которой до сих пор во весь развал идет эпоха двоеверия, но вот в чем беда, — что окрещенные черемисы *стали нравственно хуже, чем были*; что всякий, вынужденный иметь с ними дело, — старается отыскать старого, некрещеного черемиса (из тех, кои отбежали крещения), потому что, по общему наблюдению, у некрещеных больше совестливости... Этого оскорбления святейшей религии Христа не может не поставить нам в вину вселенское христианство! О своем же крещеном поколении черемисы самого невыгодного мнения; да иначе не может и быть. Это окрещенное, но ничему в христианстве не наставленное поколение, как свидетельствует та же книга, изданная императорским

Русским географическим обществом (стр. 6), «относительно христианства столь же невежественно, как их отцы и деды, а к язычеству оно успело охладеть, потому что представители его редуют. Теперь можно из подростшего поколения встретить таких, которые *не придерживаются никакой религии...*» Вот положение, которое едва ли нельзя назвать *водворением религиозного нигилизма посредством крещения*. А это заявлено твердо и никем не опровергнуто, и, хотя или не хотя, ему, очевидно, приходится верить и с ним соображаться. Принимая же в расчет, что такое явление далеко не единично, его надо считать важным и требующим самых скорых и самых энергических мер к всестороннему поправлению церковного дела. И *скорого* непременно потому, что церковная беда не ждет. Мнение это есть едва ли не общее мнение всей церкви, кроме тех, которые свои вкусы предпочитают истинам Евангелия. Литература, во всех ее органах, которых нельзя считать противонародными и противочерными, неустанно твердит об этом почти в одно слово. Недавно еще все мы читали ряд правдивых и талант-

ливых статей г. Евгения Маркова о нашем «крещеном язычестве», а теперь, когда уже дописывается эта статья, получаем июньскую книгу журнала «Русская речь», где с религиозными вопросами обращаются почтительно и бережно. И здесь, в интересном этюде о духовенстве, снова читаем, что вопрос о нем «нельзя откладывать, так как от этого зависит подъем того жалкого состояния, в каком находится большинство нашего духовенства. Вопрос о свободе совести тоже не ждет, и горе, если он решится ранее преобразования духовенства». «Оно, – говорит „Русская речь“, – окажется бессильным бороться против множества сект, и православная церковь погибнет не в силу собственной немощи или несостоятельности, а только потому, что продолжительное существование неестественного порядка вещей вынудило ее служителей заглушить в себе познание ее сущности» (стр.301).

Это положение страшное, но оно верно.

Глава девятая

Какие же меры в этом положении могут казаться самыми надежными и действительными? Их, кажется, две: 1) лучшее обеспечение православного духовенства, при котором оно не было бы вынуждено прибегать к унижительным поборам, роняющим его во мнении прихожан, и 2) более совершенный суд, при коем правый человек мог бы бестрепетно доказывать свою правоту, а виновный – принять наказание, сообразное действительной мере его вины, как следует по закону, а не по произволу.

Улучшение быта, конечно, требует очень больших средств, в изыскании которых *на деле* мы бываем особенно несчастливы. Духовное ведомство очень богато, – но оно скопидомно и любит неприкосновенность своих капиталов. А потому вопрос об обеспечении служащего духовенства есть вопрос очень сложный и очень трудный для удовлетворения. Ему, вероятно, долго еще будет мешать наша бедность, почти неизбежная при нашей системе государственного хозяйства, в кото-

ром господствует сильное смешение в понятиях о нужном и ненужном. Но судебная реформа гораздо удобоисполнимее, так как ее можно произвести при несравненно меньших капитальных затратах, – для этого нужны только здравый ум и *добрая воля* вывести дело из нынешнего вполне непригодного положения. А между тем одна уже эта реформа, произведенная удовлетворительно, помогла бы духовенству стать независимее от принижающего его произвола не только от тех особ, которые, по удачному замечанию «Русской речи» (301), «отреклись от мира для того, чтобы повелевать им, чтобы властвовать, чтобы управлять всем обширным епархиальным духовенством – их женами и детьми», но и от тех, коих великий Петр в духовном регламенте назвал «несытыми архиерейскими скотинами». А они все не без участия на так называемый доклад, из коего духовное остроумие делает «оклад, клад, лад и ад» (просителю – *ад*). Судебная реформа помогла бы духовенству очистить свою среду от тех людей, которые своим поведением не только роняют все духовное звание, но даже унижают имя челове-

ка, и, несмотря на все это, терпимы в духовенстве к соблазну всех прихожан, стремящихся бежать от таких пастырей в какое-нибудь разное верие. А в то же время сознание свободы от нынешнего произвола привлекло бы к служению церкви многих благороднейших молодых людей духовного звания, которые нынче до такой степени шибко бегут от своей среды, что потребовались особые и, очевидно, совершенно бесполезные меры к удержанию их в духовном звании.

К чему приведет подобная мера, – понять нетрудно: вакантные места будут замещены, но кем, какими людьми? Конечно, теми, которые, по их словам, «рвались из этого омута, да не вырвались». Вот приобретение!..

Много доброй службы наслужат они церкви, которой теперь только и остается пополнять свои кадры этими «невольниками», да «плохенькими», которые всюду готовы, «лишь бы кормиться»...

Таково-то наше положение, которое устроили разные неподвижные, будто бы «богочрежденные» порядки нашего церковного управления, и между ними едва ли не более

всего наш духовный суд, не согласный с древнею практикою и вовсе не отвечающий современным потребностям.

Указание на эти вещи наглые люди нынче приравнивают к нигилизму и даже к «бунтарству». Пусть так, пусть ханжеское лицемерие или глупость говорят, что позволяет им их бедный смысл и прожженная совесть; но им никогда не удастся убедить рассудительных людей, что сдавленность, в которой наше духовенство утрачивает свои человеческие достоинства, есть наилучшая форма, навсегда необходимая для нашей церкви. Пусть они считают русскую церковь обреченною окаменеть, на чем она раз стала, но мы имеем право считать ее еще живою и способною возродиться и исполнять свое духовное служение русскому народу, а потому и говорим о ее нуждах, с кем бы нас за это ни сравнивали изолгавшиеся хриstopродавцы. Здесь нами приведены не рассуждения, а *факты*, и эти факты говорят, что духовный суд судит неудовлетворительно, что он гораздо погрешимее суда светского. Пусть друзья этого суда при-

ведут в соответственном количестве факты
иного значения и восторжествуют.

*Впервые опубликовано – газета «Ново-
сти», 1880.*

Примечания

Иногда этого рода духовные выходки бывают очень курьезны. Давненько, недалеко от моей родины, один находчивый дьячок, имея неудовольствие на помещицу, устроил ей Великим постом такой скандал. Совершая «исходя чтение», он прочел: «и призва Фараон бабы и рече: бабы, бабы, – *все вы, бабы, б. ди, срамовиццы и пагубниццы*». В оное время это прошло беспоследственно, или, как говорил чтец: «на ней, как на собаке, присохло». Барыня только стала говеть в чужом приходе. Но и то очень удивительно, что она могла отличить эту прибавку от настоящего текста. Обученная религии по-русски, то есть без чтения Библии, она легко могла думать, что все это действительно наговорил про баб царь Фараон, – тем более что тогда и в акафисте читали еще: «оставиша Ирода яко *блядива*». Нынче читают «лжива», что, впрочем, не одно и то же. (Прим. Лескова.).

Мне кажется, что 1878 год, может быть, начинается с этого места. В моих выписках это неаккуратно отмечено: годы 1877 и 1878 немножко смешаны, но факты, разумеется, верны. (*Прим. Лескова.*)

[^^^]